

или разочарование); 7) ценностные предпочтения; 8) смерть и бессмертие (забвение или признание в памяти потомков). Временные ориентации и целеполагание сопряжены с собственным микромиром культуры, в котором человек осознает свою самость, свое Я. В нём, в единстве, согласии и противоречии пребывают индивидуальное прошлое, настоящее, проекты будущего.

Исходя из вышеизложенного, сделаем выводы. Субъективное время культуры отличается от объективного, внешнего социокультурного времени. Оно представляет единство различных временных модусов: космического, биологического, индивидуального (персоналистического). Модусы субъективного времени культуры взаимообусловлены, имеют зоны пересечения, синхронны или асинхронны в своей процессуальной динамике. Анализ содержания временных ориентаций и временных перспектив позволяет уточнить, что субъективное время культуры дискретно. Социальное время есть контекст, система социокультурных координат бытийности и осуществления субъективного времени культуры. Историческая линейность времени культуры фиксируется (персонализируется) значимым для потомков опытом (качеством) субъективного культурного времени.

Примечания

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М., 1991. С.286.

² Arendt H. La Crise de culture / H. Arendt. Paris, 1972. P. 13, 14, 19.

³ Пригожин И.Р. Переоткрытие времени / И.Р. Пригожин // Вопр. философ. 1989. №8. С.3–19.

⁴ Ясперс К. Указ. соч. С.303.

⁵ Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий / Д. Хапаева. М., 2005. С.209.

⁶ См.: Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование / Я.Ф. Аскин. М., 1996.

⁷ Ингарден Р. Спор о существовании мира. Время как способ существования / Р. Ингарден // Вопр. философ. 2006. №12. С.147–163.

⁸ Уитроу Дж. Естественная философия времени / Дж. Уитроу. М., 2003. С.34.

⁹ Хлынина Т.П. Время истории: исчезающая категория или новая стратегия освоения прошлого? / Т.П. Хлынина // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. №1. С.38.

¹⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм / А.Ф. Лосев. М., 1980. С.38.

¹¹ Платон. Тимей / Платон // Соч.: в 3 т. М., 1971. Т.3. 27d–28a.

¹² Там же. 38b–c.

¹³ Рикёр П. В согласии со временем / П. Рикёр // Курьер ЮНЕСКО. 1991. №6. С.12.

¹⁴ Там же. С.11.

¹⁵ Там же. С.12.

¹⁶ Моисеева Н.И. Свойства биологического времени / Н.И. Моисеева // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем. Л., 1980. С.124–128.

¹⁷ См.: Молчанов Ю.Б. Комплексный характер проблемы времени / Ю.Б. Молчанов // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем. Л., 1980. С.5–9.

¹⁸ См.: Ясперс К. Общая психопатология / К. Ясперс. М., 1997.

¹⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. М., 1996. С.75.

УДК 101.1:316

КУЛЬТУРА ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЭККУРС В ПРОШЛОЕ (социально-философские аспекты)

С.А. Вершилов

Балашовский институт (филиал)
Саратовского государственного университета
E-mail: vershil@mail.ru

Проблема выявления противоречивого свойства практики культуры военной безопасности государств достаточно актуальна: необходимо объяснить факты исчезновения некоторых народов и цивилизаций, причины национальных трагедий и катастроф, причины возникновения войн и иных катаклизмов.

Ключевые слова: культура военной безопасности, война, безопасность, катастрофы, трагедии.

The Culture of Military Safety: Returning to the Past (Social and Philosophical Aspects)

S.A. Vershilov

This article highlights that problem revealing inconsistent property of practice of culture of military safety of the states attracts attention of scientists for a long time. In fact explanation of the numerous facts of

disappearance of some people and civilizations, the reason of national tragedies and accidents, waging wars and other cataclysms had to be done.

Key words: culture of military safety, war, safety, accidents, tragedies.

Большинство успехов и свершений, а также неудач и потерь человечества в определённой степени выступают формой проявления необратимых, направленных и закономерных изменений культуры. Однако противоречивость социокультурной динамики неоднозначно осмыслялась на каждом этапе развития науки. В полной мере это касается и культуры военной безопасности¹.

Свою первоначальную оценку вооружённая борьба получила в предфилософских произведениях, ядро которых составляли развитые формы мифологии. Уже в гомеровском эпосе, поэзии орфиков, философии Гесиода и Демокрита достаточно чётко ставился вопрос об источниках и причинах военных столкновений, намечались первые варианты его решения. Так, согласно Гомеру, причины войны, ход её развития определяются богами-олимпийцами. Именно за ними остаётся последнее слово: быть между людьми грозной брани и печальной распри, или по-прежнему на земле будет царить «возлюбленный мир» («Илиада»). В «Одиссее» рассматриваются телеологические мотивы: боги устроили Троянскую войну для того, чтобы у будущих поколений людей была славная песнь о ней².

По убеждению орфического поэта Лина, «Через расприю управляется всё всегда ... Жизнь сопряжена с мучительными страданиями и сонмом смертельных напастей»³. Логично предположить, что в этом утверждении проявляется идеалистическая позиция, согласно которой всё устроено целесообразно и всякое развитие является осуществлением заранее предопределённых целей. Такой подход, с нашей точки зрения, несовместим с научным пониманием закономерности и причинной обусловленности социокультурных явлений, в нашем случае – культуры военной безопасности.

Краеугольным камнем философии Гесиода в исследовании социальной картины выступал следующий постулат: государства

погибают в том случае, когда не могут отличить плохих людей от хороших. Это подвигло древнегреческого мыслителя искать источник развития механизма обеспечения культуры военной безопасности в противоречиях нравственного бытия человека и общества. Как бы там ни было, но «теогония» Гесиода предстала одной из первых попыток теологического анализа основ безопасности, явным достоинством которого стало определение нравственных приоритетов в поведении человека. Такая же позиция во взглядах на устройство общества и обеспечение его защиты существует у Демокрита: «Человек добродетельной (благочестивой) мысли стремится к справедливым и законным действиям, во бдении и во сне весел, здрав и спокоен»⁴.

Вместе с тем присущие религиозно-философскому мировоззрению понимание справедливости и божественного происхождения власти значительно замедляли научное осмысление движущих сил развития культуры военной безопасности.

В развитие культуры военной безопасности весомый вклад внесли представители нарождающейся в XVI в. буржуазии и, в особенности, Н. Макиавелли. Методологически новым стало изучение им социальных законов, исходя из практики, а не на основе теологического воззрения. Итальянский учёный стремился понять историю общества через нормы закона, учреждения, права, свободы и обязанности⁵.

Заслугой Н. Макиавелли является разработка военно-политической стратегии и управленческих действий, обращённых в будущее и к конкретным носителям власти. Он выделил противоречия культуры военной безопасности, к которым относятся связь культуры и политики – первопричина национальных трагедий и катастроф, подрыв основ безопасности; отсутствие единой воли нации, с помощью которой можно не только обустроить государство, но и безопасно в нём существовать. Разрешение этого противоречия, считает учёный, возможно при появлении неординарного руководителя: «Подлинно счастливой можно назвать ту республику, где появляется человек столь мудрый, что

издаваемые им законы обладают такой упорядоченностью, что подчиняясь им, республика может, не испытывая необходимости в их изменении, жить спокойно и безопасно»⁶.

Оценивая наследие творчества Н. Макиавелли, Гегель утверждал, что его учение «останется в истории важным показателем, которое он засвидетельствовал перед своим временем, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только гением»⁷.

Одним из продолжателей идей Н. Макиавелли был английский философ Ф. Бэкон, взгляды которого формировались в эпоху научного и культурного подъёма Европы начала буржуазных революций. Вслед за Н. Макиавелли английский учёный непосредственно обратился к проблемам безопасности. Так, в 90-е гг. XVI в. он опубликовал «Трактат относительно разведки и личной безопасности королевы». Этот труд, как справедливо считает Е.Б. Черняк, «...рекомендовал Тайному совету всячески распространять за границей мнение, что её Величество имеет крупную секретную разведку»⁸. Во-первых, стремление создать гипертрофированное представление о возможностях британских служб говорит о характерной для всей эпохи Нового времени высокой оценке проблем безопасности. Во-вторых, как полагает А.Ю. Моздаков: «...уже здесь мы обнаруживаем отождествление безопасности индивида и общественного целого, которое позже получит обоснование в гегелевской «Философии права»⁹.

Как и итальянский учёный, Бэкон считал, что движущей силой развития военной безопасности выступают противоречивые элементы законодательской деятельности и чрезмерная централизация государственной власти. В механизме их разрешения он особую роль отводил разработке принципов политики безопасности: ускользания от опасности и своевременного, адекватного реагирования на её возрастание¹⁰. Достаточно новаторским для того периода стал его подход к обоснованию роли материальных элементов культуры военной безопасности. Экономика, по мнению Бэкона, может быть как основой устойчивых гарантий существования нации, так и первопричиной кризиса обо-

роны страны¹¹. Всё зависит от её количественных и качественных факторов, способных обеспечить эффективное воздействие на прогресс общества.

Совершенно иные методологические посылки в изучении противоречий культуры военной безопасности выдвинул другой английский мыслитель – Т. Гоббс. Основная из них – научное представление об обществе. Исходя из традиционного для того времени отождествления общества и государства, последнее он трактовал не с теологических позиций, а как человеческое устройство, рациональное зерно которого – переход от состояния «человек человеку – волк» к принципам общественного договора. По его мнению, следование данным принципам и есть ориентир для конструктивного разрешения противоречий исследуемого социального явления. Правомерно утверждать, что движущей силой развития культуры военной безопасности Т. Гоббс считал противоречивое единство элементов, тенденций законодательской и правоохранительной деятельности, просвещения народа в духе уважения законов¹². К сожалению, «политическая любовь» философа к утверждению принципа неделимости верховной власти и неограниченной монархии, права правительства на применение насилия во имя повиновения граждан не позволили ему увидеть в этих принципах серьёзных вызовов культуре военной безопасности.

Совсем не случайно, что данные теоретические просчёты оказались в фокусе научного интереса ещё одного английского мыслителя Дж. Локка. Он, проанализировав неверные доводы Гоббса, углубил предметное поле исследования противоречий безопасности, включив в него изучение процессов и явлений, разрушающих механизм управленческого воздействия на общество. При этом учёный наделял народные массы правом не поддерживать и даже свергать безответственное государство¹³. Одним из первых из социальных философов Локк указал на противоречивость насилия как средства культуры военной безопасности: «Применяя силу, правитель частично перечёркивает то, ради чего он призван трудиться, а именно, всеобщую безопасность <...> Ибо, сколько-нибудь

подрывая, или нарушая безопасность любого из своих подданных ради защиты остальных, он ровно на столько же вступает в противоречие со своим же объявленным наперёд намерением, в каковое должна входить только охрана людей, на что имеют права даже самые ничтожные»¹⁴.

Под влиянием философских произведений Т. Гоббса и Дж. Локка находился Б. Спиноза. Вместе с тем голландский мыслитель более объективно исследовал цель практики безопасности. Например, гражданский мир он рассматривал не только как отсутствие войны, но как объединение душ и национальное согласие¹⁵. Им впервые был выдвинут постулат о свободе как важном факторе развития культуры безопасности и укрепления гарантий безопасного бытия гражданского общества¹⁶. Кроме того, Б. Спиноза вскрыл закономерную связь между политической организацией и функционированием механизма обеспечения культуры военной безопасности, расширив тем самым методологию исследования противоречий её развития.

В середине XVIII в. французский мыслитель Ш. Л. Монтескье предпринял попытку нарисовать идеальный образ «просвещённого монарха». Руководитель государства, по его мнению, должен заботиться о народном благосостоянии, устанавливать общеобязательные справедливые законы и править с помощью философов, которые «всегда говорили о народе, изредка о царе и никогда о себе»¹⁷. Существенным аспектом безопасности было положение о необходимости «разделения властей». При разработке этой идеи Монтескье настаивал на том, что не может быть политической свободы без разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, каждая из которых должна обладать независимостью друг от друга в исполнении своих функций. Согласно его утверждению, «...должны быть разделены власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц»¹⁸.

Монтескье считал, что необходимо понимание культуры военной безопасности общества как определённой целостности и

отказ от поверхностного взгляда на неё как механический агрегат индивидов и институтов. Заявляя, что рассматривает «части только для того, чтобы познать целое», мыслитель характеризовал культуру безопасности через понятие «общего духа народов» как совокупности климата, религии, законов, принципов правления, примеров прошлого, нравов и обычаев. Вместе с тем стремление обосновать проведение прогрессивных социальных преобразований на основе безопасности противоречиво сочеталось у философа с консервативным желанием примирить людей с существующими общественными отношениями. Наблюдая нарастание во Франции социального кризиса, обострившегося к концу 40-х гг. XVIII столетия, знакомясь с умонастроением нового поколения просветителей, Монтескье был явно напуган перспективой быстрого и радикального изменения общественного строя страны.

Однако не умаляя представленных положений в развитии теории исследуемого явления, необходимо акцентировать внимание на следующем: ничто в военно-политической и социально-экономической ситуации на протяжении почти трёхсот лет не способствовало претворению в жизнь многих прогрессивных доктрин. Так, Н. Макиавелли, исследовав противоречия военной безопасности, доказал потребность в замене наёмной армии милиционной и как представитель властных структур предпринял попытку претворить эту идею в жизнь, которая, к сожалению, потерпела крах.

Французские просветители, отстаивавшие идею нереальности военной безопасности государства без гарантий безопасности гражданина, пролоббировали её в качестве конституционного положения в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и Конституции Франции 1791 г. Но как члены правительства они не препятствовали созданию механизма разрешения противоречий «безопасности», который не имел ничего общего с их прогрессивными заявлениями. Итогом функционирования созданного ими органа воздействия были аресты и содержание под стражей около 500 тыс. человек и казни 40 тыс. граждан из 25-миллионного населения страны в период с 1789 по 1794 гг.¹⁹

Логично предположить, что, разрабатывая соответствующие цивилизационному и национальному развитию императивы культуры военной безопасности, философы приукрашивали грядущий капитализм, представляли его устройством разумным и способным к конструктивному разрешению противоречий. С большой долей вероятности можно утверждать: в провозглашённых постулатах мыслители настолько «забежали вперёд», что было трудно, с одной стороны, ввести новые положения «в эксплуатацию», а с другой – адекватно их оценить. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что представители власти не только того времени, но и более позднего не очень приветствовали допуск рационально мыслящих учёных в область своей деятельности по организации безопасности. Сами же они, и это в лучшем варианте, полагали необходимым реализовывать только те идеи, которые способствовали удовлетворению насущных потребностей правящей элиты, а не всей нации в целом. Это, в свою очередь, сказывалось на разрешении противоречия между объективными основами существования человечества вне опасности и стратегией развития национальных культур военной безопасности.

Установки с опорой на силу, имеющие целью стабильность и спокойствие власти, основанные на концентрации ресурсов, предопределили ущербное развитие культуры военной безопасности, при котором вероятность трагедий только возрастала. Согласно Н.Н. Рыбалкину, «Причина здесь в приверженности к старой парадигме развития культуры военной безопасности, в её явно выраженной внешней направленности, силовом акценте и примате сохранения основ государственного режима»²⁰. В этой обстановке, замечает И.С. Даниленко, «Общественная практика всё время требовала проектов лучшей подготовки и ведения войн. Создание положительной науки о войне не вписывалось в эти проекты»²¹.

Вне всякого сомнения при таком подходе объективное исследование всей совокупности противоречий культуры военной безопасности, не принимаемое политическими

режимами, оказывалось небезопасным как для субъектов власти, так и для тех, кто его инициировал. Таким образом, ретроспективный анализ с социально-философской позиции доказывает, что конъюнктурное искажение критериев самодостаточности культуры военной безопасности множило вероятность трагедий и катастроф. Это происходило, в том числе, и потому, что потенциал явления, заявленного в теме статьи, был недостаточным в противодействии различным вызовам и угрозам.

Примечания

¹ Определение культуры военной безопасности дано автором в 1998 г.: это пласт военно-политических отношений, предназначенный для исключения попыток деструктивных сил нанести ущерб военными средствами существованию мирового социума (см.: *Вершилов С.А.* Культура военной безопасности России (социально-философский анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11: защищена 25.12.1998: науч. руководитель А.И. Дырин: подготовлена в Военном ун-те М-ва обороны / Вершилов Сергей Анатольевич. М., 1998. С.9.

² *Дырин А.И.* Проблемы войны и мира в социально-философской мысли античности / А.И. Дырин, В.П. Кузин. М., 1992. С.3.

³ Фрагменты ранних греческих философов / Отв. ред. И.Д. Рожанский. М., 1989. Ч.1. С.71,72.

⁴ История философии в кратком изложении / Под ред. О.Д. Кротова; пер. с чеш. И.И. Богута. М., 1991. С.120.

⁵ *Юсим М.А.* Этика Макиавелли / М.А. Юсим. М., 1990. С.71–100.

⁶ *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли // Избр. соч. М., 1982. С.382.

⁷ *Гегель Г.В.Ф.* Политические произведения / Г.В.Ф. Гегель. М., 1978. С.154.

⁸ *Черняк Е.Б.* Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки / Е.Б. Черняк. М., 1991. С.100.

⁹ *Моздаков А.Ю.* Понятие безопасности в классической и современной философии / А.Ю. Моздаков // *Вопр. философии.* 2008. №4. С.19.

¹⁰ *Бэкон Ф.* Опыт или наставления нравственные и политические / Ф. Бэкон // Соч.: в 2 т.; 2-е испр. и доп. изд. М., 1977. Т.1. С.393–400.

¹¹ *Бэкон Ф.* О смутах и мятежах / Ф. Бэкон // Соч. Т.1. С.383.

¹² *Гоббс Т.* Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. М., 1936. С.143–144, 263.

¹³ *Локк Дж.* Послание о веротерпимости / Дж. Локк // Соч.: в 3 т. М., 1988. Т.3. С.128.

¹⁴ *Локк Дж.* Опыт о веротерпимости / Дж. Локк // Там же. С.79.

¹⁵ Спиноза Б. Политический трактат / Б. Спиноза // Избр. произв.: в 2 т. М., 1957. Т.2. С.311.

¹⁶ Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза // Там же. С.267.

¹⁷ Кузнецов В.Н. Западноевропейская философия XVIII века / В.Н. Кузнецов, Б.В. Мееровский, А.Ф. Грязнов. М., 1986. С.162–163.

¹⁸ Benrekassa G. Montesquieu / G Benrekassa. P., 1968. P.121.

¹⁹ Смирнов В.П. Великая французская революция и современность / В.П. Смирнов // Мировая экономика и международные отношения. 1989. №7. С.63.

²⁰ Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности / Н.Н. Рыбалкин. М., 2006. С.10.

²¹ Даниленко И.С. От прикладной военной науки – к системной науке о войне / И.С. Даниленко // Военная мысль. 2008. №10. С.32.